

Яков Михайлович ЛЕВОЕВ родился в карельской крестьянской семье в 1924 году в селе Погранкондуши Олонецкого (ныне Питкярантского) района. После окончания восьми классов приобрел специальность связиста и некоторое время до начала войны работал на местном радиоузле. Окончил танковое училище, на фронте получил ранение. После войны работал в МТС в Погранкондушах, потом — в родном колхозе. Сейчас живет на родине.

Накануне войны

Наша деревня в силу своего приграничья жила и без того напряженной и тревожной жизнью. По окрестным лесам кто-то постоянно разбрасывал листовки. Они призывали карел уходить в леса, нарушать связь, мешать эвакуации скота. Было ясно, что листовки направлялись из Финляндии. Первый день войны мне запомнился особенно. В субботу, как обычно, в клубе шли танцы. Мы с Ириной вернулись домой уже поздно. Поженились какую-то неделю назад и еще не успели расстаться с привычкой ходить на вечеринки. Утром, когда еще не было и шести, она меня разбудила. Я быстро оделся, наскоро попил чаю, сел на велосипед и помчался на работу. Радиоузел находился от дома через две улицы. Быстро настроил технику, подключил питание. Источники тока (пять батарей) каждый вечер ставились на подзарядку от движка ЛЗ-2. Вижу, на две минуты с передачей опаздываю. Мелькнула мысль об Ирине: еще подумает, что-нибудь случилось, раз молчит радио. Жду, пока прогреются аноды. Наконец включил радиосеть.

Репродуктор (их тогда выпускал завод им. Кулакова) вывесил через окно на уличную стенку. На ночь он убирался в комнату. Сам, по привычке, сел на подоконник. Испытываю легкую гордость от того, что односельчане благодаря моему старанию слушают очередную сводку новостей и легкую бодрящую музыку. Сажу и критически рассматриваю свои брюки и ботинки. Замечаю, что их носки облупились и поблекли. Пожалел, что с вечера как следует не почистил. Подумалось: хоть ты, дружок, и стал человеком женатым, но о своем внешнем виде при такой жене-красавице забывать негоже.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ ПОГРАНКОНДУШЕЙ

Добавил(a) Administrator

11.03.13 13:37 - Последнее обновление 26.09.13 09:40

Таким образом сижу и размышляю. И вдруг вижу, как с противоположной стороны улицы появились женщины. Они направились в здание столовой на разнарядку. Значит, времени около семи. В семь начиналась разнарядка на полевые и другие работы (я впопыхах забыл надеть часы). Конторские и так называемые представители сельской интеллигенции трудовой день начинали с девяти утра. Женщины бойко переговаривались, судачили о повседневных делах. Остановились напротив дома Пушкиных, где размещалась контора колхоза. Начинался сенокос. И женщины шли в легких нарядных одеждах. Было такое впечатление, будто плывут лебедушки. Мирная картина эта совершенно не вязалась с тем, что мы все услышали через несколько минут. Диктор вдруг предупредил, что скоро будет передано важное правительственное сообщение. Я окликнул женщин и пригласил их послушать. Те с неохотой отозвались: "Да что там интересного скажут. У нас у самих тут интересные разговоры..." Но тем не менее потянулись поближе к радиоузлу: "Ну чего там, Яша, выкладывай!" Меня все в деревне звали Яшей, а остальных моих четверых тезок почему-то Яшками. Может быть, ко мне проявляли некоторую долю уважительности благодаря моей должности, а теперь тем более, когда стал женатым человеком. А может, из уважения к моим родителям. Голос диктора разогнал остатки утренней тишины: "Сегодня рано утром фашистские полчища без объявления войны напали на нашу страну". У всех нас на минуту замерли сердца. Еще минуту назад беззаботно радостные женщины в предчувствии погожего дня и веселой работы на лугу вдруг поняли, какая большая беда входит в каждый дом. Давно ли все они испытали так много горя и утрат — и вот опять война. Через некоторое время тревожное сообщение повторили. В центре деревни постепенно собралась целая толпа. Мужики угрюмо курили, хмуро переговариваясь. Каждому, кто подлежал призыву, было ясно: не сегодня завтра военкомат пришлет повестку. Карелам к войне не привыкать: чуть ли не с XIII века воюют. Прежде, правда, все больше защищали родные рубежи, изгоняя врага из своих исконных земель, а что теперь им готовит судьба, куда поведут военные дороги? Все понимали, что эта война не сулит скорого мира.

Я сделал передачу и пошел домой. Ира собиралась в садик, где работала заведующей. Получала она 310 рублей. Деньги небольшие, но при своем хозяйстве это для деревенской жизни хорошее подспорье. К примеру, бутылка водки стоила тогда шесть рублей, а буханка хлеба — копейки. Наша семейная жизнь обещала стать если и не совсем безоблачной, то вполне счастливой. Ведь мы были еще так молоды... И вот этим надеждам утром 22 июня 1941 года пришел конец. Ира, дважды прослушавшая печальное сообщение, встретила меня поникшая, с тревогой в глазах. Не помню, о чем мы говорили в те минуты. Наверно, о предстоящей войне и разлуке.

Разнарядка в конторе, хотя и с опозданием, в этот день все же состоялась. Люди разошлись по своим местам — кто на пожню, кто в поле, кто на скотный двор. Но уже во второй половине дня будущим воинам вручали повестки. Поначалу тем, кто был в возрасте от 20 до 40 лет. В повестках предписывалось явиться на сборный пункт 23 июня в указанный час. Так началась война для нашей деревни.

Я, как связист, тоже считался мобилизованным. Пока мы, правда, были в домашней одежде, но уже вооруженные винтовками. Последнее диктовалось обстановкой тревожного времени. Связь нередко выходила из строя и нуждалась в срочном ремонте, а в поездках можно было запросто наскочить на вражескую засаду.

Утихли песни по вечерам. Бойкие женские пересуды сменились вопросами: "Что-то

теперь будет? Всех ли мужиков сразу возьмут на фронт?"

Повестки продолжали поступать, и хозяйки пекли сыновьям и мужьям подорожники и сушили в запас сухари.

Мне незадолго до этих событий исполнилось 18 лет. Внутренне я был готов встать в строй и обучаться солдатскому ремеслу, тем более что кое-что из военной науки успел освоить. Но до чего же не хотелось расставаться с Ириной, с родителями и близкими, со всем привычным укладом жизни, который был так близок и дорог.

На следующий день после объявления войны наши мужики и парни, кто уже имел на руках повестки, собрались в десять утра у сельского совета. Некоторые мои одногодки еще не знали вкуса табака и спиртного, не имели близости с девушками и даже не знали, что такое женский поцелуй. Все они ушли в этот день из деревни навсегда, в неизвестность... За плечами у каждого только вещевой мешок, а в нем — трехдневный запас питания, пара белья, полотенце, мыло и другие дорожные принадлежности. Но были и такие, кто успел побывать на гражданской, поучаствовать в финской кампании или пройти срочную службу. По опыту прошлых призывов они думали, что в Олонце будут походные кухни и временные казармы. Но, увы, никто их там с горячими обедами не ждал. Подогнали подводы, запряженные лучшими лошадьми, погрузили на телеги мешки, и колонна призывников тронулась. Еще какое-то время рядом шли их родственники. Так Михаила Тюттеева, моего товарища по лесозаготовкам, провожали мать и его девушка Настя Фариева, душевная, работающая, так и не дождавшаяся своей свадьбы. Миша был чуть глуховат, но это не помешало комиссии признать его годным к строевой службе. Колонна из ста человек дошла до перекрестка Койванской дороги. Здесь ее остановили. Председатель сельсовета Степанов, как на трибуну, поднялся на высокий валун, стоящий у обочины, и открыл митинг. Мимо проходили машины с призывниками из Сортавалы, Питкярантского района. Ораторы выступали минут тридцать. Они призывали завтрашних воинов быть стойкими в трудностях, беспощадно сражаться с врагом и с победой вернуться домой. А их родственников и земляков — трудиться в тылу не покладая рук, чтобы обеспечить фронт всем необходимым. Во всех выступлениях звучала твердая уверенность в том, что немецко-фашистские полчища будут в короткий срок разбиты и солдаты-победители вновь окажутся на родной земле. Многие недоумевали: как же так могло случиться? Ведь было опровержение слухов по линии ТАСС о предстоящей войне. Наконец, само наше правительство вело дружественную политику по отношению к Германии, добросовестно выполняло свои торговые и прочие обязательства, и вдруг — война...,

В Лодейном Поле началось распределение по частям и подразделениям. Многие из призывников не успели даже в полном объеме пройти курс молодого бойца, как уже оказались в пекле боев. Плохо вооруженные и обученные, они погибали в первых же сражениях. Эта участь постигла и многих наших земляков.

В начале войны призывали людей всех национальностей, в том числе финнов, поляков и прибалтийцев. Но уже в 1942 году их стали направлять только в трудовые лагеря или в Трудармию. И подальше от центральной России — в Сибирь и в Казахстан. Ходили слухи, что среди этих и некоторых других народностей оказалось немало прислужников и предателей, перешедших на сторону противника. Под эту гребенку чуть было не попал и я. Но об этом чуть позже.

Кочующий тыл

Уже после первых военных сводок стало ясно, что не сегодня завтра на нас ринется Финляндия. И этот день не заставил себя долго ждать. Из Питкярантского района сразу же потянулся поток беженцев. Преимущественно ехали на подводах, запряженных горячими сытыми лошадьми, откормленными еще финским овсом. Как выяснилось вскоре, это были вербованные люди, не успевшие обжиться на новом месте. Но лаптей на них уже не было, как в 1940 году. На всех — приличная одежда и добротные сапоги. Ясно, откуда у них это добро — взяли у финнов.

Из Погранкондушей население эвакуировали тоже. В деревне не стало слышно даже собачьего лая. И только еще в некоторых опустевших дворах бегали кошки и кудахтали куры. Остался дозор из восьми военнообязанных, в их число попал и я. За старшего был Вокулаев. Из оружия — одни только охотничьи ружья. Мы расположились в интернате и поочередно дежурили у телефона в сельском совете.

С Ириной я простился у дома Поташевых. Это было грустное прощание. Излишне вспоминать, какие слова мы говорили друг другу перед разлукой и что думали в эти минуты.

В первые дни дежурства я ночевал дома: у нас еще оставались куры, и утром, как и в мирные дни, меня будил петух своим громким криком. Спал я в сарае на сене. Ружье лежало под рукой. Днем уходил на дежурство. Никого из военных в деревне не было. Отражать ожидаемого с часу на час противника никто не собирался. Передвижения военных частей через деревню тоже не наблюдалось. Лишь проследовал небольшой Олонецкий истребительный батальон в сторону Салми, где уже шли бои. Среди бойцов этого батальона был и мой земляк Владимир Поташев [\[1\]](#), шестнадцатилетний парнишка, записавшийся добровольцем. А неделей раньше ушел на фронт и его отец. Связь у нас постоянно поддерживалась с Видлицей и Олонцом. А с Питкярантой можно было связаться только из бывшей погранзаставы. Между тем беженцы продолжали двигаться со стороны Салми. У погранзаставы установили пост. Дежурные всю ночь жгли костер, грелись и вели наблюдение, чтобы среди бывших вербованных и других проезжавших мимо не оказалось лазутчиков. Но скорее это была излишняя подозрительность, чем необходимая бдительность. Если бы диверсанты и впрямь объявились, то они нашли бы другие пути проникновения в нужное место.

Однажды под утро слышу: кто-то ходит по дому. Схватил ружье, готовый ко всему. — Кто тут? — спрашиваю.

И вдруг вижу, неизвестный через отверстие в хлеву юркнул в огород. Успел заметить, что это красноармеец. Захожу в сени — дверь чулана нараспашку. Весь мой запас хлеба исчез. А на улице и вовсе настоящий разбой: кто кур тащит, кто прирезанного теленка, кто шарит по избам в поисках продуктов. В деревне пальба. Выяснилось, что появился артиллерийский обоз и солдаты решили пожить чем можно. Вот такой с первых дней войны запечатлелась в памяти родная деревня и наша "любимая" и "непобедимая". Мы собрались в вокулаевском доме. Зарезали его уцелевшего теленка, посолили мясо и положили в кадку. Сколько-то успели съесть, часть в вареном виде взяли с собой, остальное пришлось оставить. Мы покидали деревню.

Обстрел Погранкондушей начался со стороны Мансилы. Мне приказали снять телефон

или уничтожить его. Смотрю, скачет кавалерийский конь под седлом, но без всадника. Я его перехватил и только хотел сесть, как со стороны соседнего дома выбегает солдат с криком, чтобы я не трогал лошадь. Объясняю, что выполняю срочное боевое задание. Но он, видя, что я в гражданском, не поверил и забрал лошадь. В это время запылали строения заставы. Там еще оставались финские трофеи. Начался бой за деревней. Нас послали в Койвано узнать, что происходит там. Но мы сумели добраться только до Хонги. В деревне были красноармейцы, и мы вернулись.

Около нашего нынешнего дома какие-то гражданские люди копали траншеи. Выяснилось, что это оставшиеся бойцы Олонецкого истребительного батальона. Они готовились к бою. Среди них оказались и мои знакомые Василий Пеккарев и Владимир Лукин. Василия вскоре убили, а Володя попал в плен. Его склонили к службе в финской армии. Вернулся после войны. На что он рассчитывал? Многолетнее пребывание в лагере ему было бы обеспечено. Но он вскоре заболел туберкулезом и умер в Ленинграде, где в то время жила его мать.

Когда мы отступали из деревни, я успел зайти в сельсовет, где остались мое шведское ружье и новое демисезонное пальто. Мы решили отходить к Видлице лесом, придерживаясь электролинии. По шоссе идти не захотели, можно было наскочить на финскую заставу. Артобстрел усиливался, и мы, Федор, Михаил и я, побежали к Хонге. Хутор был большой, выстроенный по финскому типу. Хозяин его, дядя Федор, был двоюродным братом моего отца. Бытовые постройки стояли отдельно от жилого дома. Двухэтажный сеной сарай, хлев, полевой амбар с отсеками для хранения семенного зерна, где в амбаре мы нашли немного продуктов. Взяли непортящиеся концентраты и немного жира и решили добираться до Видлицы. Артналет между тем усиливался. Мы рванулись к электролинии. Карманы, набитые продуктами и боеприпасами, мешали бежать. Часть концентратов пришлось выбросить. Позже об этом пожалели. Я и впоследствии не раз вспоминал эти концентраты, особенно на фронте в Новгородской области, где было очень уж голодно.

Чуть в стороне от высоковольтки была протоптана хорошая тропа. Мы присели отдохнуть. Тут-то я и хотел угостить друзей мясом из котелка. Но когда достал его, обнаружил, что оно протухло. Пришлось выбросить вместе с котелком. Позже я и о котелке пожалел, но тогда он мне мешал бесшумно двигаться. Куда направлялись из Погранкондушей другие группы из нашего ополчения, до сих пор не знаю.

Не успели отдохнуть, слышим: со стороны Погранкондушей в нашем направлении по этой же тропе идут какие-то люди и между собой переговариваются. Мы их пропустили, скрывшись за кустами. А потом скомандовали:

— Руки вверх! Бросай оружие!

Неизвестные побросали винтовки. Двое из них были в пограничной форме. Мы — за деревьями, и они нас не видят. Спрашиваем, кто такие, откуда и куда добираются? Ответили, что идут от границы в направлении Видлицы. Мы такой ответ на веру не принимаем. Время-то военное. Мало ли диверсантов по всем тропам ходит... Мы вышли из укрытия, и когда они нас увидели, совсем молоденьких, почти подростков, в штатском и с одной винтовкой на всех, подняли свое оружие без нашего на то разрешения и не спеша отправились восвояси. Кто они и с каким заданием шли, мы так и не узнали. Вот какими мы были наивными и неопытными вояками. Ведь если бы нам действительно встретились вражеские лазутчики, они могли бы с нами разделаться в два счета. И этот случай нас уже кое-чему научил.

Когда мы подошли к видлицкому мосту, там стояли наши часовые. Нас не пропустили. Объяснили, что мост заминирован. И нам пришлось переходить реку по залому бревен между новым и старым мостами. Сколько там осталось леса, которым вскоре воспользовались пришедшие сюда финны, — трудно было подсчитать. За рекой встретили Николая Титова и Николая Арестова (последний живет сейчас в г. Электросталь Московской области). Устроили своеобразный коллективный обед — погрызли сухарей и попили водички из реки. А потом мы с Н.Арестовым пошли на коммутатор, откуда решили сообщить своему начальству, где мы находимся, и спросить, как нам поступать дальше? Остальные ушли искать своих. Николая Титова я позже встретил в Лодейном Поле в столовой. Они только что вернулись из разведки. Это было в самом начале сентября 1941 года. О его подруге Кате я расспросить не успел. Впоследствии узнал, что она оказалась в оккупации. После войны вышла замуж за русского офицера и уехала в Новгородскую область. Моя Ирина с ней долго переписывалась. Жизнь у Кати складывалась не очень благополучно. А Николая я после этого встретил лишь в 1953 году. Своей жизнью он тоже не мог похвалиться. Сейчас его жена, дочь и внучка живут в Питкяранте. Я поддерживаю с ними связь. Они ко мне хорошо относятся, как к другу юности и молодости, близкому человеку. Эту главку я назвал "Кочующий тыл". Не знаю, насколько правомерно такое понятие, но лично у меня складывалось впечатление неопределенности нашего тыла в тех местах, где в начале войны мне приходилось бывать в качестве связиста. Обстановка была настолько переменчивой, что каждые несколько часов линия боевых действий могла измениться. Чтобы завершить рассказ о нашем пребывании в Видлице, упомяну об "удалых" моряках, совершавших здесь, на Ладогe, свои "подвиги".

Когда мы с Николаем Арестовым отправились на почту, чтобы позвонить в Олонец, перед нами возникла такая картина. Почта размещалась на первом этаже двухэтажного здания невдалеке от моста. На поляне у самого моста паслись две лошади. Одна белая с ободранной до крови верхней частью шеи, другая более рослая, с натертой холкой. Рядом со зданием почты на дороге валялись шинели, среди них одна офицерская. Создавалось впечатление, что моряки сбрасывали их на ходу. Они были затоптаны бегущими сзади. Мы вошли во двор почты, на зеленую лужайку, поднялись на крыльцо. Там тоже лежала шинель, одним рукавом наружу, а другим — в коридоре. Телефонные аппараты были разбиты и валялись на полу. Коммутатор находился в раскуроченном состоянии. Почему моряки так поспешно убегали и зачем устроили этот вандализм? Ведь в Видлице боев не было. Разве что доносившиеся выстрелы со стороны Погранкондуш их напугали или поступила команда на срочное отступление? Уже после войны я беседовал с бывшим председателем Видлицкого сельпо Андреем Портанским, который жил в Ленинграде. Вот что он мне поведал о действиях моряков: — Они поднялись на катерах из устья Тулоксы в конце июня. Так в Видлице появились две роты моряков. С нашего склада по разнарядке получили продукты и быстро исчезли. Создавалось впечатление, что только из-за продуктов они и приезжали [2].

Нам с Николаем связаться с Олонцом так и не удалось. Мы вернулись к мосту. Лошади там по-прежнему мирно пощипывали травку. И я предложил приятелю махнуть на этих лошадях верхом в Тулоксу. Уздечек и седел на них не было. Я сообразил сделать уздечки из проволоки, а вместо седел приспособил подушки (мы их отыскивали в пустом доме). Вижу, из Николая наездник получается неважный. Галопом ехать не может, а рысью — сильно трясет. Я пустил лошадь в галоп и уже в Тулоксе стал поджидать

своего дружка. В деревне было пусто. В домах — двери и окна нараспашку! Все словно вымерло. Вскоре подъехал Николай, и мы все же встретили одну старушонку. Она нам обрадовалась — свои, карелы! Сообщила, что совсем недавно наши погранкондушские жители проследовали в Сяндебу. Поскакали туда и мы. Там тьма народу, подвод, воистину — "смешались в кучу кони, люди..." Я отыскал своих — отца, мать и Ирину. Жена тащила мой велосипед со спущенными шинами. Велел ей выбросить. Вернемся домой, наживем заново, главное — уцелеть всем. Моего коня запрягли пристяжным, и мы двинулись в сторону Олонца. Там я простился со своими, но, оказалось, ненадолго. Меня оставили в конторе связи, где располагался штаб воинской части. Среди его работников запомнились старший лейтенант Ершов, лейтенант Няйтиев, Кюр-шунов, Степанов и другие. Они командовали ротамп и взводами. Связисты, дежурившие на коммутаторе, тоже были вооружены винтовками и имели по два патронташа и по две ручных гранаты. Размещались рядом с почтой в двухэтажном здании школы-интерната. Так началась моя военная служба.

На военном положении

Рядом с домом связи располагался военкомат. Туда каждый день прибывали призывники из окрестных Деревень. Их до самого райцентра провожали родные и близкие. Пили водку, пели песни, плясали и плакали. Летнее тепло располагало к уличным беседам-посиделкам. Солнце светило щедро, небо было чистым, и о плохом думать не хотелось. Большинство из нас тогда было уверено, что все это продлится недолго, что вот-вот поднимется наша могучая армия, пополнит свои славные ряды и так ударит по смердящей немецкой силе, что от их грязных сапог и следа на нашей земле не останется. Но люди старшего поколения, кто уже на своем хребте испытал не одну войну, были настроены не столь оптимистично. Но даже и они не могли подумать, что Страна Советов как государство окажется почти на грани своего существования и что война продлится целых четыре мучительных года. Если не считать непродолжительной войны с Японией. Но в то время Япония молчала. Она не собиралась, как выяснила наша разведка, двигать свои войска на Дальний Восток. И это обстоятельство дало возможность нашему командованию уже через полгода в срочном порядке перебросить несколько свежих сибирских дивизий для спасения столицы. Пока же страна только еще разворачивала свои силы. И в сотнях, в тысячах таких же райцентров шли свои призывы, отправлялись в направлении фронта такие же пестрые колонны необстрелянных новобранцев, которые после короткого курса по основам военного дела в запасных полках будут брошены в самое пекло войны, и только каждый пятый моего, 1924 года рождения, останется жив.

А тогда в Олонце каждый новобранец ждал, когда его выкликнут. Друзья и просто знакомые радовались, попав в одну учебную команду. Им по наивности представлялось, что и дальше они будут вместе постигать военную науку и воевать, чувствуя плечо и поддержку друг друга. По мере формирования колонны одна за другой направлялись в Верховье и в Подпорожье. Там новобранцев размещали по теплушкам и везли ближе к передовым позициям. Большинство из них попало на Ленинградский фронт. И такие картины можно было наблюдать каждый день, вплоть до 3 сентября 1941 года. В самом же Олонце продолжалась пока еще привычная мирная жизнь, хотя уже дыхание войны чувствовалось во всем. Люди по утрам уходили на работу. Открывались магазины и учреждения. Как всегда, у Дома крестьянина работала парикмахерская. Несла службу пожарная часть. Там, где сегодня стоит Дом культуры, размещалась автобаза, а где

автовокзал — гараж и мастерские.

А чем в эти дни занимались мы? В распоряжении связистов находились две машины. Одна, газогенераторная, с водителем Шахновым, а другая — с бензиновым двигателем, под управлением Туттуева. Их имен я уже не помню. Мы были обязаны обеспечивать бесперебойную связь до Кескозера, а дальше уже начинался пряжинский участок. На нашем — опасное место находилось у Ковер. Финны постоянно повреждали там линию и устраивали засады. Невдалеке от петрозаводской дороги, километрах примерно в десяти, шли бои за населенные пункты. Финны пытались захватить деревню Березовая Гора, господствующую над местностью. Рядом с ней проходило и шоссе. Из-за этих локальных боев нам не всегда удавалось побывать на участке, даже если он был неисправным.

Однажды мы оказались на хуторе в трехстах метрах от Березовой Горы. Там стояло боевое охранение наших войск. И вот к нам приводят пленного финна, прыгающего на одной забинтованной ноге. А мы с Николаем Арестовым стоим и негромко переговариваемся по-карельски. Он услышал наш разговор и сказал по-фински: "Смотри-ка, здесь, оказывается, есть и карельские парни". Нам стало неловко перед своими бойцами. Они были из других мест и по-нашему не понимали совсем. Могли о нас подумать невесть что. И потому финну мы ничего не ответили и отошли в сторону. Через некоторое время наш взвод связи отправили к Березовой Горе со стороны петрозаводской дороги. Но финны, к нашему удивлению, отступили без боя, и мы героями вернулись на хутор. Нам было разрешено отправиться в Олонец. Поехали в сторону Кескозера. Но тут, когда уже мы чувствовали себя в безопасности, нас обстреляли из засады. Был убит шофер Шаханов. На этом участке валялось с десяток столбов связи, а провода на многих участках были повреждены. Связь мы все же восстановили и дождались подмоги из Олонца. Взяли на буксир выведенную из строя машину с телом водителя и вернулись на место. А на следующий день для большей безопасности и устойчивости связи нам выделили броневик.

Каждый выезд — полная боевая готовность. На броневике — станковый пулемет. Полуторка, в кузове котюрой мы сидим, ошетинившись стволами винтовок, идет сзади. Берем суточный паек: банку трески в масле, буханку хлеба на двоих, кое-что из личных припасов. А в Олонце питались в столовой. Вскоре я узнал, что наши погран-кондушские живут недалеко от Олонца, в СапотУксе. И жена моя тоже там. Я переговорил с начальством, и мне разрешили привезти ее в Олонец. В интернате нам выделили свободную комнату. Повариха нашей столовой познакомилась с Ирой и сразу с ней подружилась. Она не переставала удивляться, что такая молодая, красивая и самостоятельная девушка решила в это тревожное время выйти замуж за семнадцатилетнего паренька. Тогда никому не могло прийти в голову, что мы проживем вместе без малого полвека и будем всю жизнь счастливы. Ира умерла в 1989 году в день Советской Армии 23 февраля.

Однажды, обслуживая участок в районе Ковер, мы обнаружили в кювете опрокинутую легковую "эмку". Это была комиссарская машина. В ней находился труп шофера. Видимо, всех, кто уцелел, финны взяли в плен. Мы до самой темноты прочесывали лес, но все безрезультатно — никаких следов. Исправили повреждения на линии и вернулись в Олонец. А у нас на втором этаже в это время вовсю шли танцы. Смотрю, танцует и моя жена. Признаться, я выразил неудовольствие: муж, дескать, весь день ездит под пулями, а его благоверная легкомысленно отплясывает. Это была, пожалуй, наша

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ ПОГРАНКОНДУШЕЙ

Добавил(а) Administrator

11.03.13 13:37 - Последнее обновление 26.09.13 09:40

единственная ссора, насколько я помню. Наверно, я был тогда не прав, ведь и во время войны людям хочется хоть немного расслабиться, не думать о грустном. Как бы там ни было, Ира с тех пор на танцы или на иные увеселительные вечера без меня не ходила. Однажды вместо привычного маршрута нас направили в Погранкондуши. С деревней связи не было, там шли бои. С Видлицей же и островами на Ладоге связь имелась. В это время так некстати стали возникать лесные пожары, и нам несколько раз приходилось спрыгивать с машин и выбегать на берег Ладоги, чтобы отдышаться от дыма и гари. Столбы линии местами тоже сгорели, а провода валялись на земле. Мы исправили повреждения и потихоньку стали продвигаться вперед. Подъехали к Лаугу-Мяки, оттуда всего лишь полтора километра до Погранкондушей. Тут стояли несколько машин. Спустя какое-то время появилась еще одна с красноармейцами в кузове. Один из них заговорил со мной по-карельски. Сказал, что родом из Видлицы, и назвался Григорием. Видно, раньше он меня где-то встречал. Второй раз я его увидел только в 1980 году на покосе вблизи нашей деревни. Помог ему убрать сено в копны. А вечером посидели, пропустили по рюмочке, припомнили и ту военную встречу, и многое другое, что для обоих было близко и памятно. Григорий поведал мне о своих друзьях-погодках Петре Хуоторинине и Василии Пеккареве. Перед отправкой их роты из Видлицы в Большие Горы он с ними выпил. Петра, мертвецки пьяного, забросили в кузов полуторки. Но, к счастью, все обошлось: пока ехали к месту, он пришел в себя. Петр был выдержанным и умным парнем. К сожалению, его дальнейшая судьба Григорию не была известна. В тот первый военный год Григорий служил в войсках воздушного наблюдения, и часть их располагалась в районе Больших Гор. Потом их перебросили ближе к нашей деревне. Вокруг шли бои, а они, эти солдаты, все в новенькой форме, словно собрались на парад. Даже винтовки, которых тогда не хватало, у них были с откидными штыками. Вторая встреча с Григорием оказалась и последней. Он умер в 1986 году в Видлице. Но вернемся к тому периоду, когда мы еще, считай, были дома, налаживали связь. С горы Лаугу-Мяки деревня Погранкондуши видна как на ладони. Вокруг деревни горит лес. Деревья тогда еще такими высокими не были, даже кресты на кладбище, и те просматривались. Вовремя сообразили, что, если поедем по дороге, нас могут заметить и открыть огонь. И мы втроем — Николай Арестов, Иван Зинченко и я, отправились дозорными. (Кстати, Зинченко и сегодня живет в Видлице.) Шли по лесу друг за другом вдоль дороги, чтобы не терять из виду линию. Местами провода были повреждены пулями и осколками. То и дело по пути в деревню натыкались на убитых красноармейцев: у кого из-под земли торчала нога, кто лежал раскинув руки, словно кого-то хотел обнять перед вечным расставаньем. Зрелище не для слабонервных. Рядом с домом Игнатьевых под развесистой черемухой тоже лежал убитый воин. Мы его положили в ячейку окопа. Так постепенно дошли до конца деревни, где стояла баня Артиевых. В самой деревне местами горели хозяйственные постройки. Пожар достиг дома Васюкки. А бой на горе около овощехранилища продолжался. Короткими перебежками мы добрались до дома Артиевых. Я залег за колодцем и стал наблюдать за горящими постройками. И вдруг заметил, что к дому Кошкиных тянутся несколько кабельных проводов. Старший нашей команды, кажется, это был председатель райисполкома Киршунов, приказал двигаться перебежками к дому Кошкиных. Там оказался штаб наших войск. Я доложил подполковнику, что из Олонца прибыла команда связистов. Он, видимо, нас не ожидал и обрадовался такому подспорью. Мы пришли очень кстати. С райцентром у него связи не было, и он приказал восстановить ее. Мы

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ ПОГРАНКОНДУШЕЙ

Добавил(a) Administrator

11.03.13 13:37 - Последнее обновление 26.09.13 09:40

даже не пытались сказать ему, что у нас нет кабеля, потому что в военной обстановке приказы не обсуждаются. Решили посмотреть на месте, что можно сделать подручными средствами. Линия связи проходила по Проньковской горе. Мы стали подниматься на столбы и сращивать провода из кусков. Нас заметили финские наблюдатели и открыли артобстрел. Появились раненые. Командир приказал слезть со столбов и тянуть линию на шестах. Мы принялись рубить тонкие сосенки. Из жердей сколачивали крестовины и по ним тянули старую проволоку. Но без хорошего кабеля толку от такой связи не было никакого. Это наконец-то дошло и до сознания командиров, и работа была прекращена. К тому же деревня оказалась в полукольце наступающих сил противника. Наши оборонялись на горе. Со стороны Ладоги и Погранкондушей заслона от финских войск не было. Поступил приказ: всем отходить в Лаугу-Мяки. Там уже стояли машины с заведенными моторами. Затем отступили в Видлицу. Там связь с Олонцом имелась, и нас отозвали в райцентр.

В Олонце отдохнуть не пришлось. Получили команду следовать в Коверы. Оттуда поступило сообщение, что финские солдаты в одном из домов устроили драку. Метрах в пятистах от Ковер мы остановили броневик и машину. Бесшумной цепочкой подошли к деревне. Окружили дом, где происходило веселье, и вынудили финнов сдаться. Они не стали сопротивляться, молча сложили оружие. И повезли мы наших пленников (их было восемь) в Олонец. А тут — встречная машина с солдатами. Они увидели финских солдат и решили, что прорвался противник. Открыли огонь. Все же сквозь выстрелы с трудом сумели объяснить, что мы связисты и везем пленных. На нас ноль внимания. Наши "герои"-воины стали брать пленных за грудки. Словно пленили их в боевой обстановке сами. И только когда мы навели на них пулемет, прыти у них поубавилось, и им невольно пришлось с нами считаться, хотя мы и были в гражданской одежде, изрядно поношенной. Мы направились своей дорогой, а лихие вояки, возможно, еще и не нюхавшие пороха, — своей.

Весь август 1941 года мы курсировали по своему участку. Но нередко вместо налаживания связи приходилось пресекать попытки финских вооруженных групп прорваться к шоссе, ведущему на Петрозаводск. В районе Видлицы боев почти не было. Доносились лишь отдельные незначительные перестрелки. Финны вышли на рубеж реки Тулоксы, и тут им поставили заслон. Примерно месяц неприятельские части не смогли продвинуться дальше. И только 3 сентября, когда войска Маннергейма прорвали нашу оборону по широкому фронту, механизированные части их продвинулись к Олонцу и заняли мосты. Стало ясно, что в ближайшее время Олонец падет. Многие дома в районном центре запылали — учреждения, магазины, продовольственные склады, производственные строения. Таков был приказ: ничего не оставлять врагу! Тогда над этим раздумывать не приходилось: и тем, кто отдавал приказы, и тем, кто исполнял их. Но после войны многие поняли, что мера эта была ненужной, неоправданной.

Противнику никакого урона не нанесли, а самим многое пришлось отстраивать заново. Кстати сказать, финны при отступлении ничего, или почти ничего не разрушили, кроме мостов и военных коммуникаций.

Накануне нашего отступления у населения изъяли все радиоприемники, которые вместе с радиоаппаратурой мы погрузили на машины и двинулись в Мегрегу. По пути нас обстреляли из-за реки. Выезжали в спешке и не успели даже прихватить с собой запас продуктов и одежды. На многих были рваные сапоги и старые фуфайки, повседневная одежда для хозяйственных работ. А ведь как-никак мы числились воинами. По дороге

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ ПОГРАНКОНДУШЕЙ

Добавил(а) Administrator

11.03.13 13:37 - Последнее обновление 26.09.13 09:40

выяснилось, что через Мегрегу проехать нельзя. Пришлось отступить в сторону Верховья — Куйтежи по лесной дороге. Наша машина была до предела забита людьми и аппаратурой. Ирину кое-как я усадил в кузове, а сам прилег на левое крыло и так и ехал, цепляясь за фару. Горели некоторые дома, мимо которых мы проезжали. Продвигаясь вперед, мы время от времени останавливались. Однако нас заботил не ремонт связи, а наоборот — ее

уничтожение. Выводили ее из строя всеми способами: пилили уцелевшие столбы, рвали провода...

Вот так, не будучи военным человеком, даже военнообязанным, потому что у меня и моих товарищей не было ни военных билетов, ни приписки к какой-либо воинской части, я оказался в эпицентре жарких событий. Никакой паники, насколько я помню, среди нас не было. Понимали ли мы до конца всю серьезность создавшегося положения? Скорее всего, нет. У нас не было ясной информации даже о численности противника, не говоря уже о том, что мы не имели ни малейшего понятия, как складывалась обстановка на фронте. Отдельные отрывочные радиосообщения, конечно, не отличались полнотой и объективностью, и по ним трудно было судить, что происходило на самом деле даже на Карельском фронте.

Отступление наших частей нам казалось временным и что если не завтра, то уж к концу лета мы обязательно возвратимся в свои края, если, конечно, нас не успеют по всей форме поставить в строй и мы в составе какой-нибудь воинской части не будем сражаться с врагом далеко за пределами родных мест.

А пока мы все же отходили и уничтожали линии связи. Так, продвигаясь километр за километром, достигли Важин и вскоре переправились через Свирь. Нас послали на рытье окопов. Мне было разрешено проводить жену. Мы сели на баржу и добрались до Подпорожья. Здесь я встретил своих односельчан и от них узнал, где находятся мои родители. Мог ли я, не повидав их, вернуться назад, тем более, как уже говорил, в сущности, я призван в армию еще не был. Но неопределенность положения порой создает куда большие сложности и неурядицы, чем строгое подчинение с устойчивым пониманием долга и задачи.

Война разворачивалась такая, что еехватило на все наше поколение." Ее лиха досталось и на мою долю. После окончания танкового училища я воевал. Участвовал во многих сражениях, был тяжело ранен. Лежал в госпиталях. Снова воевал. Но это уже другая страница моих воспоминаний.

Литературная обработка Ивана КОСТИНА

"Север" №4 2000 год

Смотри так же:

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ ПОГРАНКОНДУШЕЙ

Добавил(а) Administrator

11.03.13 13:37 - Последнее обновление 26.09.13 09:40

БАЛТИЙЦЫ ВСТУПАЮТ В БОЙ